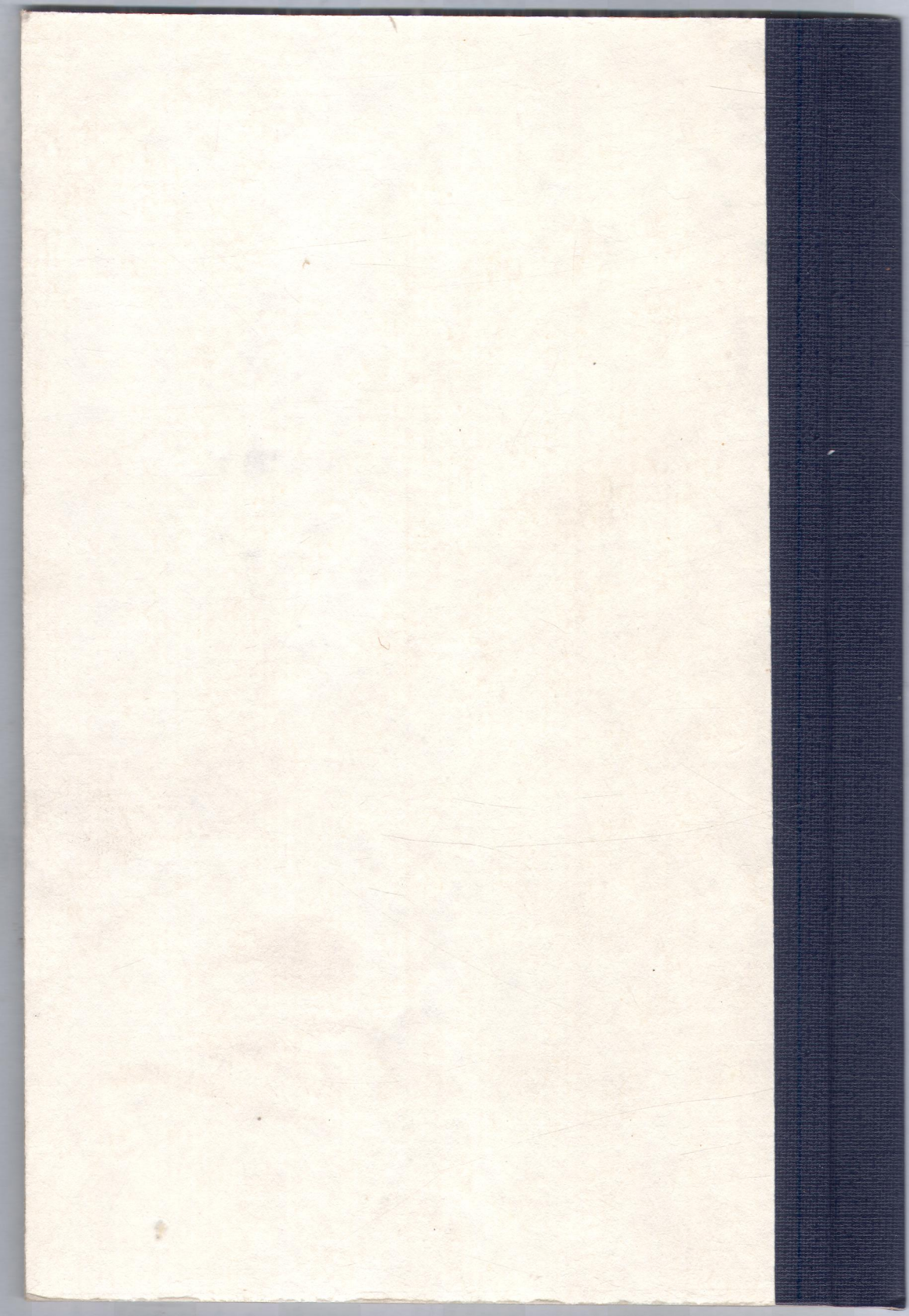

PK-XGY 2
463866

463866

194

Лавровскі

ВОСПОМИНАНІЕ О ВАСИЛИ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ ¹⁾.

(1773 — 1873).

Въ настоящемъ году, 30-го января, совершится ровно сто лѣтъ со дня рожденія В. Н. Каразина, которому Харьковъ несомнѣнно обязанъ существованіемъ въ немъ университета. По вниманію къ этому обстоятельству, совѣтъ университета опредѣлилъ почтить память покойнаго, въ торжественномъ собраніи, указаніемъ, въ общихъ чертахъ, на его общественную дѣятельность, и въ частности, на оказанную имъ заслугу не только городу Харькову, но и прилежащей къ нему обширной области. Исполненіе этого опредѣленія совѣта выпало на мою долю.

Дѣятельность каждаго человѣка, великая и малая, съ ея средствами и цѣлями оцѣнивается, съ нравственной точки зрѣнія, прежде всего чистотою своихъ побужденій, достоинствомъ руководящей ея идеи. Чѣмъ возвышеннѣе эти побужденія, чѣмъ рѣшительнѣе возвышаются они надъ частными и личными интересами и проникаются интересами общими, чѣмъ больше вносится въ эту дѣятельность жизни, страсти, самопожертвованія, чѣмъ полнѣе и цѣльнѣе она охватываетъ всѣ силы и способности человѣка, тѣмъ выше достоинство самой дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія, великое и малое въ дѣятельности человѣческой уравнивается, а иногда и малое можетъ возвышаться надъ великимъ.

Справедливо и то, что дѣятельности этого рода рѣдко бываетъ суждена правильная оцѣнка современниковъ: послѣднее, въ наибольшей части случаевъ, достается болѣе или менѣе отдаленному потомству. Съ одной стороны, самая дѣятельность человѣческая никогда не бываетъ свободна отъ заблужденій, частныхъ промаховъ; съ дру-

02
¹⁾ Рѣчь, произнесенная профессоромъ Н. А. Лавровскимъ, въ торжественномъ собраніи Харьковского университета 17-го января 1873 года.

гой—современные судьи, погруженные въ „злобу дня“, охваченные водоворотомъ ежедневныхъ интересовъ, рѣдко оказываются способными подняться до высоты интереса общаго и съ этой высоты оцѣнить нравственное достоинство совершающейся передъ ними дѣятельности. Эти общія замѣчанія полезно имѣть въ виду при оцѣнкѣ общественной дѣятельности Каразина.

Изъ обнародованныхъ до сихъ поръ его записокъ, мнѣній, писемъ,—къ сожалѣнію немногачу сравнительно съ тѣмъ, что остается не обнародованнымъ,—можно, кажется, вывести то заключеніе, что онъ влагалъ въ общественную дѣятельность всю свою страстную душу, что онъ одушевленъ былъ безпредѣльною любовью къ своей родинѣ, безпредѣльнымъ желаніемъ ей добра и всесторонняго развитія. Можно иногда не соглашаться, вообще или въ частности, съ содержаніемъ разныхъ его бумагъ, можно находить это содержаніе нѣмъ непригоднымъ или неосуществимымъ; но едва-ли позволительно отказать ему въ безавѣтной искренности стремленій, въ томъ, что всѣ его помыслы,—большей части коихъ такъ и не суждено было осуществиться,—имѣли своимъ источникомъ родившіеся въ его воображеніи, возвышенные идеалы наилучшаго государственнаго и общественаго порядка.

Извѣстно, что *случай* Каразина, продолжавшійся только три съ половиною года, начался съ записки, поданной имъ, безъ подписи, императору Александру Павловичу, спустя десять дней по вступленіи его на престолъ (22-го марта 1801 года). Государь, прочтя ее, поручилъ графу Палену и Д. П. Троицкому отыскать автора. Троицкій, по нѣкоторымъ догадкамъ, призвалъ Каразина и потребовалъ признанія. Онъ признался. „И вотъ источникъ личнаго благоволенія ко мнѣ его величества“, — говоритъ Каразинъ въ примѣчаніи на экземплярѣ записки, переписанномъ имъ самимъ, въ 1812 году, для адмирала Шишкова. „Удаленный отъ двора и упованія награды, одинъ изъ безвѣстнѣйшихъ Россіянь, дерзновенною рукою“, но весьма краснорѣчиво и съ страстнымъ увлеченіемъ, изобразилъ царю блестящія надежды Россіи на него, и вмѣстѣ съ тѣмъ, свое политическое исповѣданіе, которому онъ остался вѣренъ навсегда. На что же надѣялся и чего ожидалъ Каразинъ, вмѣстѣ съ Россіей, которой онъ явился представителемъ? Онъ ожидалъ отъ наступившаго царствованія непреложныхъ законовъ, вмѣстѣ съ государственнымъ постановленіемъ, составленныхъ „совѣтомъ мужей мудрыхъ, окружающихъ престолъ и другихъ, голосъ которыхъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ государства истину повѣдать можетъ“, — „которые сообразятъ

законы съ обстоятельствами своего народа, съ его нравами, обычаями, религіей, съ мѣстнымъ его положеніемъ, съ просвѣщеніемъ истиннымъ, какое общаетъ намъ наступившій вѣкъ послѣ жестокихъ испытаній прошедшаго". Онъ ожидалъ *праваго суда*, предоставленнаго избраннымъ изъ народа; суда при дверяхъ открытыхъ, съ правомъ тяжущихся публиковать опредѣленія. Онъ ожидалъ *„улучшенія финансовъ и доведенія ихъ до избытка государственнаго не посредствомъ умноженія налоговъ, а посредствомъ уменьшенія непроизводительныхъ издержекъ и точнаго опредѣленія повинностей каждаго по непреложному размѣру, не подверженному измѣненіямъ отъ прилива и отлива изобразительныхъ знаковъ богатства“*. Онъ ожидалъ всевозможнаго распространенія въ народѣ *воспитанія и образованія*, полагая, что „наисовершеннѣйшіе законы останутся бесполезными въ народѣ развращенномъ и чуждыми смысла въ народѣ невѣждѣ. Онъ ожидалъ *человѣческихъ правъ для помѣщичьихъ крестьянъ*, введеніемъ у нихъ *собственности и точнымъ опредѣленіемъ ихъ зависимости и повинностей*. Извѣстно, что для своихъ крестьянъ (въ селѣ Кручинѣ, Харьковской губерніи, Богодуховскаго уѣзда), онъ еще въ 1805 году составилъ такое опредѣленіе, принявъ за мѣрило повинностей рабочій день ¹⁾. Онъ ожидалъ распространенія и улучшенія земледѣлія и правильнаго лѣсоводства; заселенія пространныхъ степей Россіи посредствомъ непринудительнаго вызова жителей изъ сосѣднихъ, населеннѣйшихъ мѣстъ, при ободреніи ихъ къ переселенію наградами и льготами. Онъ ожидалъ возбужденія руководѣлій не помощію запретительной системы, а снятіемъ съ мануфактуръ и фабрикъ стѣснительныхъ налоговъ, отнимающихъ охоту заводить новыя. Онъ ожидалъ превращенія безводныхъ пространствъ въ цвѣтущіе сады проведеніемъ каналовъ; цвѣтущаго состоянія виѣшной и внутренней торговли, и въ довершеніе всего, соединенія всѣхъ сословій союзомъ взаимной пользы, братолюбія и подданнической обязанности. Для достиженія же всѣхъ этихъ цѣлей, онъ ожидалъ начертанія постоянной и мирной политики относительно иностранныхъ державъ, политики охраняющей общее спокойствіе. „А пока“,—говоритъ онъ,—„безумный какой-либо врагъ дѣйствительно покусился бы на это спокойствіе, найдутся средства занять миллионъ здоровыхъ, сильныхъ ратниковъ,

¹⁾ Подробности его Кручинскаго устава можно прочесть въ журналѣ *Русская Старина* 1871 года, въ мартовской книжкѣ, въ письмѣ къ губернатору Бахтину, стр. 335.

ежегодно стоющихъ болѣе трети государственныхъ доходовъ, съ младенчества приобыхшихъ къ повиновенію и трудамъ: правительство употребить ихъ на устройство водоводовъ, дорогъ и другихъ государственныхъ работъ, поощряя труды ихъ нѣкоторымъ улучшеніемъ обыкновеннаго ихъ содержанія“.

Вотъ тѣ надежды и ожиданія, тѣ идеалы, которые воспиталь въ себѣ 28-лѣтній Каразинъ, и которые онъ дерзновенною рукою начерталъ для юнаго, воодушевленнаго, въ то время, наилучшими стремленіями императора! Спрашивается: чтò же эти идеалы—призрачные, фантастическіе? Мы, собравшіеся здѣсь спустя слишкомъ 70 лѣтъ, знаемъ, что значительная ихъ часть, къ счастью нашей родной страны, осуществилась въ блестящее и полное благихъ реформъ царствованіе нашего великаго Государя. Можетъ-быть, скажутъ: если эти идеалы и не были призрачны, то были преждевременны и не осуществимы, *ria desideria*, какъ называлъ ихъ Н. М. Карамзинъ государю въ 1806 году. Дѣйствительно, въ то время, не удалось ни одному изъ нихъ осуществиться на практикѣ. Но самъ Каразинъ не могъ представлять себѣ ихъ такими; увлекаемый общими надеждами, онъ могъ, съ полною искренностію, вѣрить въ ихъ своевременность и удобоприимность. Обвинить ли его за это потомство? Замѣтимъ, что такіе идеалы, опережающіе время, обыкновенно начерчиваются неизгладимыми чертами въ памяти народовъ и свято чтутся, какъ свидѣтельства великихъ дарованій, двигающихъ ихъ впередъ.

Приближенный упомянутою запиской къ царю, удостоенный частныхъ бесѣдъ съ нимъ въ его кабинетѣ и права непосредственной переписки, Каразинъ, въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ, принималъ живое и дѣятельное участіе въ подготовленіи и обработкѣ многихъ проектовъ тогдашней реформы, особенно по вопросамъ народнаго образованія; отдалъ всего себя на службу обществу, трудился много, неутомимо, съ свойственнымъ ему страстнымъ увлеченіемъ. Въ должности правителя дѣлъ, сначала, комиссіи училищъ (учрежденной 8-го сентября 1802 года), а потомъ—главнаго правленія училищъ (учрежденнаго 24-го января 1803 года), онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ устройствѣ учебныхъ заведеній по новому плану, особенно университетовъ. Не останавливаясь здѣсь на этихъ трудахъ, мы замѣтимъ только, что едва-ли не бóльшая часть подготовительныхъ работъ выпала на его долю. Степень вліянія Каразина на ходъ этихъ работъ опредѣляется и близкими отношеніями его къ двумъ вліятельнымъ членамъ главнаго училищъ правленія — Чарторыйскому и

Потоцкому, въ послѣдствіи попечителю Харьковскаго учебнаго округа. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что при обсужденіи устройства университетовъ, въ связи со всѣми учебными заведеніями имперіи, принято было за основаніе составленное Каразинымъ „предначертаніе устава о общественномъ воспитаніи“; а при обсужденіи общаго проекта устава университетовъ, принято было за основаніе составленное имъ же „предначертаніе университетскаго устава“. Есть основаніе думать, что и „предварительныя правила министерства народнаго просвѣщенія“, представленные на высочайшее утвержденіе изъ главнаго училищъ правленія и утвержденныя 24-го января 1803 года, составлены тѣмъ же правителемъ дѣлъ Каразинымъ, какъ, по всей вѣроятности, при его же непосредственномъ участіи, составленъ и тотъ общій планъ училищъ Чарторыйскаго, подъ названіемъ: „начала для народнаго образованія въ Россійской имперіи“, такъ какъ и „предварительныя правила“ и планъ Чарторыйскаго заключаютъ въ себѣ одно и то же распредѣленіе училищъ имперіи¹⁾.

Но главною его работою, въ это время, *занявшею всю его душу*, какъ онъ самъ выразился въ письмѣ къ священнику отцу Василию Оотіеву, было устройство университета въ дорогой для него Украинѣ и родномъ Харьковѣ. „Сердце радуется“, пишетъ онъ тому же отцу Василию, „представляя вліяніе, какое произведетъ сіе учрежденіе на край нашъ во всѣхъ отношеніяхъ, моральныхъ, физическихъ и политическихъ. Харьковъ процвѣтетъ въ самое короткое время и будетъ имѣть честь доставлять просвѣщеннѣйшихъ сыновъ отечеству, которые во всѣ состоянія разольютъ пользу, счастье и ту дѣятельность, которая творитъ прямыхъ гражданъ“. Явившись въ Харьковъ, онъ преодолѣлъ всѣ затрудненія къ соглашенію помѣщиковъ и купцовъ на необходимыя для того пожертвованія (превысившія 600.000 руб.), и вслѣдъ затѣмъ, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, принялся за приготовленіе всего, что касалось первоначальнаго устройства университета, оставаясь до перваго засѣданія комитета правленія (11-го апрѣля 1804 года) *единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ* (письмо его въ университетъ отъ 3-го марта 1805 года). Точно также не подлежитъ сомнѣнію, что Каразинъ

¹⁾ Выраженіе *Русской Старины*: «въ это время учреждено по проектамъ Каразина министерство народнаго просвѣщенія» едва-ли можетъ быть оправдано, такъ какъ всѣ министерства вмѣстѣ, въ томъ числѣ и народнаго просвѣщенія, съ опредѣленіемъ круга его вѣдомства, утверждены 8-го сентября 1802 года; по крайней мѣрѣ это выраженіе нуждается въ фактическихъ доказательствахъ.

былъ единственнымъ виновникомъ самаго назначенія Харькова для южнаго университета: безъ него подобный выборъ, конечно, никому не пришелъ бы и въ голову.

Въ подтвержденіе этого, достаточно указать на два, весьма важныя неудобства, которыя представлялъ въ то время Харьковъ: на его вредный климатъ, по причинѣ непроходимой грязи въ большую часть года, и на крайнюю затруднительность и медленность сообщеній. Профессоръ Тимковскій, въ своемъ письмѣ къ Новосильцеву (отъ 8-го іюня 1803 года), называетъ Харьковъ „только что выходящимъ изъ состоянія дикой необразованности“. Извѣстно, что Харьковская грязь создала, единственные въ лѣтописяхъ всѣхъ университетовъ, *вразныя вакаціи* (*feriae luti*) ¹⁾. Болотныя испаренія, при отсутствіи всякихъ санитарныхъ мѣръ, производили гибельное вліяніе на жителей. Въ первые пять-шесть лѣтъ по открытіи университета, скончались слѣдующіе профессора, и притомъ почти всѣ отъ гнилой горячки: Виллихъ (профессоръ патологіи) въ 1804 году, Берендтъ (профессоръ восточныхъ языковъ) въ 1805 году, Умлауфъ (профессоръ латинской словесности) въ 1807 году, Калькау и Щмерфельдтъ (профессора медицины) въ 1811 году, Терлаичъ (профессоръ исторіи правъ важнѣйшихъ государствъ) также въ 1811 году. Должно полагать, что скончавшійся, въ томъ же году, первый ректоръ Харьковскаго университета, профессоръ російской словесности, И. С. Рижскій былъ также жертвою тогдашняго Харьковскаго климата. Понятно, что по той же причинѣ профессора спѣшили скорѣе выбратъ изъ Харькова: такъ, одинъ изъ лучшихъ профессоровъ, Якобъ (дипломатіи и политической экономіи), спустя два года по пріѣздѣ, покинулъ университетъ именно по причинѣ нездороваго Харьковскаго климата; профессоръ Шнаубертъ вышелъ въ отставку въ 1811 году, будучи не въ состояніи переносить мѣстный климатъ (донесеніе въ совѣтъ 17-го августа 1811 года); въ томъ же году выбыли изъ университета: Ром-

¹⁾ Вотъ образецъ рѣшеній совѣта по этому случаю: «cum studiosi ob lutum profundum adire nequeant universitatem, decretum est interrompere praelectiones, usque dum viae sint minus lutosae» (24-го марта 1811 г.). На представленіе совѣта о постройкѣ клиникъ и другихъ зданій за городомъ, министръ отвѣчалъ отказомъ на томъ основаніи, между прочимъ, что, въ такомъ случаѣ, профессорамъ пришлось бы имѣть лошадей и экипажи. Совѣтъ отвѣчалъ, что не отдаленность, а непроходимая грязь, дѣлающая городъ вреднымъ въ гигиеническомъ отношеніи, заставляетъ и теперь профессоровъ запасаться лошадьми и экипажами (засѣданіе совѣта 28-го іюня 1811 года).

мель (латинской словесности)¹⁾, Белэнъ-де-Баллю (всеобщей исторіи) и Гутъ (математики), пробывшій въ Харьковѣ менѣе двухъ лѣтъ, а въ 1814 году — Гизе (химіи). Такимъ образомъ, къ исходу перваго десятилѣтія по открытіи университета, выбыла изъ него наибольшая часть иностранныхъ профессоровъ первыхъ вызововъ. Если вредный климатъ и его частыя жертвы держали профессоровъ въ постоянномъ страхѣ за свою жизнь, то крайне затруднительныя сообщенія, отдалявшія ихъ отъ всего, что имъ было дорого, разслабляли умственную и нравственную стороны ихъ жизни. Замѣчательнъ, въ этомъ отношеніи, рапортъ профессора Швейкардта, читанный въ совѣтѣ 12-го мая 1815 года. „Во все время своей жизни въ Харьковѣ“, пишетъ онъ, „я получилъ только одно письмо отъ своихъ друзей и родныхъ, и изъ него узналъ, что они получили мое письмо только черезъ три года. Есть нѣчто тяжелое въ этомъ обстоятельствѣ, что можно больше чувствовать, чѣмъ выражать словами (*inest in hac re acerbitas quaedam, quae magis intellectu percipi, quam verbis exprimi potest*): еще живой, я умеръ для нихъ, и они для меня“. То же случается, замѣчаетъ Швейкардтъ, и съ другими профессорами, даже съ самимъ университетомъ, при чемъ указываетъ на какой-то ящикъ съ рѣдкими камнями, отправленный два года тому назадъ въ Москву и до сихъ поръ не дошедшій до своего назначенія. Рапортъ заключается слѣдующими замѣчательными словами: „Что для тѣла кровь, для торговли деньги, то для науки общеніе идей“. Въ такомъ положеніи нельзя было ограничиваться одними безцѣльными жалобами, а нужно бы прибѣгать къ энергичнымъ мѣрамъ для исправленія зла. Дѣйствительно, вслѣдъ за жалобами, начался длинный рядъ официальныхъ заявленій въ университетскомъ совѣтѣ о неудобствахъ Харьковской жизни и о необходимости перемѣщенія университета въ другой городъ. Еще въ ноябрѣ 1807 года, профессоръ Якобъ рѣзкими чертами изобразилъ, въ своемъ рапортѣ совѣту, Харьковскую жизнь, и предложилъ поручить медицинскому факультету изслѣдовать дѣло и представить въ совѣтъ свое заключеніе, послѣ чего обратиться къ министру. Совѣтъ, въ засѣданіи 13-го ноября, согласившись вполне съ содержаніемъ рапорта Якоба, кромѣ того, предложилъ правленію

¹⁾ Въ письмѣ изъ-за границы, прочитанномъ въ совѣтѣ 18-го марта 1814 г., Роммель жалуется на крайнее изнуреніе силъ, какое онъ чувствовалъ всегда въ Харьковѣ, по причинѣ непостоянства и суровости климата, необычайной грязи и злокачественности воздуха въ городѣ (*tum ob climatis hujus inconstantiam et rigorem, tum ob urbis insolitam illuviem et insalubritatem*).

обратиться къ губернатору (И. И. Бахтину), прося его принять, съ своей стороны, мѣры къ улучшенію города въ гігіеническомъ отношеніи и извѣстить о своихъ распоряженіяхъ университетъ, который рѣшился обратиться съ этимъ дѣломъ къ высшему начальству. Не останавливаясь дольше на дѣлѣ о перемѣщеніи университета изъ Харькова, такъ какъ оно прекращалось и снова начиналось, замѣтимъ только, что въ 1814 году оно долгое время занимало университетскій совѣтъ; длинный рядъ засѣданій, нерѣдко весьма бурныхъ, посвященъ былъ его подробному обсужденію; отъ каждаго члена отобрано было отдѣльное мнѣніе; наконецъ, всѣ мнѣнія, съ заключеніемъ совѣта, препровождены были къ министру. Затѣмъ, не оказывается въ архивѣ никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній по этому дѣлу. Замѣчательно, что мнѣнія членовъ совѣта раздѣлились по-ровну: одни изъ членовъ, имѣвши собственные дома въ Харьковѣ, были противъ перемѣщенія университета; другіе, не имѣвшіе собственныхъ домовъ, доказывали невозможность оставаться въ Харьковѣ.

Приводя эти свѣдѣнія, я нисколько не уклонился отъ своей цѣли. Нужно было объяснить, что въ то время выборъ Харькова дѣйствительно не могъ прійти въ голову никому, кромѣ Каразина, и въ этомъ заключается важная заслуга, оказанная имъ нашему городу.

Не долго продолжалась тревожная и несвободная отъ увлеченій дѣятельность Каразина по устройству дорогого ему университета: еще 4-го іюня 1804 года состоялось слѣдующее высочайшее рѣшеніе по извѣстному дѣлу о художникахъ: „мастерамъ выдать деньги изъ суммъ, вносимыхъ отъ городскихъ приношеній, а Каразину запретить мѣшаться въ дѣла университета“; а 18-го іюня и указъ, съ присоединеніемъ строгаго выговора; 27-го августа того же года, онъ совсѣмъ уволенъ отъ службы съ чиномъ статскаго совѣтника.

Не останавливаясь долго на причинахъ разразившейся надъ Каразинымъ бѣды, мы только повторимъ сказанное нами прежде, что причины эти менѣе всего заключались въ предполагавшейся женитьбѣ его на Надаржинской, или въ увозѣ изъ пажескаго корпуса въ Харьковъ ея родственника безъ дозволенія начальства, хотя и эти обстоятельства могли имѣть вліяніе, а прежде всего въ распоряженіяхъ по первоначальному устройству Харьковскаго университета, въ которыхъ не трудно было отыскать не мало слабыхъ сторонъ для готовыхъ уже нападеній. Но главнѣйшая изъ причинъ, безъ сомнѣнія, заключалась въ его необычномъ и крайне шаткомъ положеніи при дворѣ, съ многочисленными зложелателями, съ отсутствіемъ защитниковъ, а

также въ чертахъ его личнаго характера: пылкости, наклонности къ увлеченіямъ, непрактичности, въ недостаточномъ знаніи жизни и людей. При отсутствіи этихъ свойствъ и при болѣе благонадежномъ положеніи, промахи въ распоряженіяхъ по Харьковскому университету легко могли бы и не обратить на себя столь строгаго вниманія и не повлечь за собою столь рѣшительныхъ мѣръ. Съ этой точки зрѣнія имѣетъ значеніе замѣтка Анастасевича о недоброжелательствѣ къ Каразину Завадовскаго, о которомъ Каразинъ будто бы отзывался, что онъ (Завадовскій) возитъ государю для доклада бумаги, имъ (Каразинымъ) обработанныя; съ той же точки зрѣнія, получаетъ значеніе и то мѣсто въ донесеніи Потоцкаго министру, отъ 19-го апрѣля 1804 года, въ которомъ первый, оправдывая въ общемъ смыслѣ распоряженія Каразина по дѣлу о художникахъ, находитъ, однако, поступокъ его (то-есть, законтрактованіе художниковъ и израсходованіе на нихъ 12.200 руб.) не обдуманнмъ, *обнаруживающимъ недовѣрчивость къ особѣ, которая управляла его именемъ* (то-есть, Новосильцеву), или упорство, еще болѣе непростительное, *поставитъ на своемъ противъ ея воли* ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что Потоцкій, въ апрѣлѣ, считалъ положеніе Каразина еще достаточно благонадежнымъ, по крайней мѣрѣ, не отчаяннымъ, и счелъ нужнымъ оправдать, хотя и не вполне, лице, дѣйствовавшее по безусловному его довѣрію и полномочію. Извѣстно, что въ послѣдствіи отношенія его къ нему рѣзко и быстро измѣнились. Изъ сопоставленія замѣчанія Анастасевича съ приведеннымъ мѣстомъ изъ донесенія Потоцкаго можно заключить, что, уже съ начала 1804 года, главные лица въ министерствѣ народнаго просвѣщенія относились къ Каразину враждебно. Замѣчательно, что 27-го февраля того же года, онъ подалъ прошеніе министру объ отпускѣ его въ Харьковъ, въ которомъ высказываетъ слѣдующую мысль: „разныя, встрѣтившіяся со мною, непріятности,—я не хочу роптать на судьбу, называя ихъ несчастіями, — разстроили въ конецъ мои душевныя силы и здоровье“ и т. д. ¹⁾. Положеніе Каразина, по самому существу своему, должно

¹⁾ Архивъ мин. народн. просв., дѣло подъ № 5.472, карт. № 152. Копія этого донесенія обязательно сообщена намъ сыномъ Каразина, Филаделфомъ Васильевичемъ. Что же касается до оправданія самыхъ распоряженій въ этомъ донесеніи, то мы, признаемся, не придаемъ ему большого значенія и затрудняемся допустить изображаемыя здѣсь выгоды отъ выписанныхъ художниковъ для университета, города и даже края, уже потому, что выгодъ этихъ на дѣлѣ вовсе не оказалось, хотя художники и прибыли въ Харьковъ.

²⁾ Арх. мин. народн. просв., дѣло подъ № 8.613, карт. № 195. Сообщено Филаделфомъ Васильевичемъ Каразинымъ.

было вызвать интригу. Онъ палъ, онъ долженъ былъ пасть, потому что былъ одинокъ, потому что борьба была не возможна. Здѣсь мы припомнимъ тѣ общія замѣчанія о нравственной оцѣнкѣ человѣческой дѣятельности, съ которыхъ мы начали, а именно, что полнота нравственной оцѣнки опредѣляется полнотою матеріаловъ. У Каразина, какъ извѣстно, нѣтъ недостатка въ послѣднихъ; онъ позаботился о полномъ сужденіи о немъ по смерти. Нужно спѣшить обнародованіемъ этихъ матеріаловъ, и притомъ, сплошнымъ и документально точнымъ, а не по выбору. Тогда только возможно будетъ всестороннее разъясненіе этой замѣчательной личности, точное опредѣленіе ея нравственного достоинства и общественнаго значенія; тогда падутъ сами собою всѣ жетолюканія и праздные разглагольствія, нерѣдко набрасывающія на нее тѣнь. Продолжать непроизводительное храненіе этихъ матеріаловъ значитъ брать на себя нравственную отвѣтственность за продолженіе жетолюканій.

Какъ бы то ни было, Каразинъ сошелъ съ широкой арены, такъ ловко и быстро имъ завоеванной; официально-общественная дѣятельность его прекратилась, онъ превратился въ частнаго человѣка, хотя все еще дѣятельнаго, тревожно порывавшагося принести свою лепту на пользу общую, но уже дѣйствовавшего въ тѣсномъ кругѣ частныхъ интересовъ, мимо котораго, обыкновенно, проходятъ молча и о которомъ очень скоро, особенно у насъ, забываютъ. Извѣстностью своею онъ обязанъ именно этимъ тремъ съ половиною годамъ; и не будь ихъ, имя его, какъ мѣстнаго, хотя и полезнаго, дѣятеля, едва ли стало бы извѣстнымъ русскому обществу.

Не касаясь, въ настоящемъ случаѣ, его научныхъ занятій, которыми онъ предавался съ свойственнымъ ему увлеченіемъ: по домоводству, естественнымъ наукамъ, особенно химіи и т. д., мы остановимся на нѣсколько минутъ на все еще продолжавшихся его порывахъ къ рѣшенію разныхъ государственныхъ и общественныхъ вопросовъ. Опытъ рѣшеній этихъ вопросовъ онъ старался доводить до свѣдѣнія государя, конечно, не безъ надежды на возвращеніе утраченнаго¹⁾. Понятно, что всѣ эти опыты или не доходили до назначенія, или откладывались въ сторону, во всякомъ случаѣ, не имѣли никакихъ практическихъ результатовъ.

Въ томъ же несчастномъ для него 1804 году, 21-го ноября, онъ

¹⁾ Немногое, сюда относящееся, напечатано въ *Русской Старинѣ* за 1870—1871 годы.

обратился къ князю Чарторыйскому съ письмомъ, въ которомъ, желая идти по слѣдамъ отца, предлагалъ себя агентомъ въ Сербію, для тайнаго направленія народнаго движенія въ пользу независимости этой страны, замѣтивъ притомъ, что онъ имѣетъ гораздо больше причинъ не дорожить собою. „Отецъ мой“, писалъ Каразинъ, „Екатерининскій полковникъ, былъ употребленъ почти для такого же дѣла передъ открытіемъ славной кампаніи, кончившейся Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ, и успѣхъ его превзошелъ ожиданія: ему, по словамъ многихъ тогдашнихъ генераловъ, не мало была обязана армія Румянцова своими побѣдами. Онъ рисковалъ только своею жизнью. То же могу сдѣлать и я, имѣя, при не меньшей, можетъ-быть, отважности, гораздо болѣе причинъ не дорожить моими днями; ибо, рискнувши, въ надеждѣ быть полезнымъ моему отечеству, поставить на карту не только все мое скудное достояніе, но даже и милости лучшаго изъ монарховъ, я проигралъ все, рѣшительно все, кромѣ несчастнаго моего воображенія, которое, унося меня безпрестанно внѣ сферы обычныхъ дѣлъ, не перестанетъ, вѣроятно, никогда творить.... сладкія мечты“. Блестящую будущность свободнаго славянства Каразинъ рисуетъ чертами, подсказываемыми его услужливою фантазіей: „Царство Славянъ должно занять, со временемъ, всѣ земли, прилегающія къ восточному берегу Адриатическаго моря, начиная отъ Албаніи и идя по сѣверной части Македоніи, вдоль границъ Валахіи, до рѣки Марохъ; въ него войдутъ и Банатъ, и Сирмія, и часть Венгріи, и Австрійская Славонія, и Кроація, вплоть до сказаннаго моря. Но какъ опредѣлить географическія границы, среди восторга, который меня обнимаетъ! Я вижу уже, какъ густыя переселенія славянскихъ народовъ, увлеченныхъ однимъ именемъ *своего* царства, стекаются со всѣхъ сторонъ и занимаютъ даже пустыни; вижу, какъ это царство, достигшее въ короткое время благоденствія и просвѣщенія и ставшее вѣрною союзницей Россіи, родною ему и по крови, и по вѣрѣ, любимой имъ по чувству признательности, мѣняется уже съ нею своими произведеніями, служить ей точкой опоры во всѣхъ ея предпріятіяхъ, во всѣхъ ея сношеніяхъ съ южною и западною Европой, а также и Африкой. Пресытившись вскорѣ славой, достигши обширныхъ размѣровъ, оно занялось все устроившемъ внутреннихъ своихъ дѣлъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи“.

Въ 1820 году, 21-го апрѣля, онъ обратился къ императору съ письмомъ, въ которомъ указывалъ на опасность отъ распространявшихся тогда тайныхъ обществъ, надъ которыми слѣдовало имѣть

„недреманное око“. Вѣрнѣйшимъ средствомъ знать подлинное внутреннее положеніе государства систематическимъ образомъ было бы, по мнѣнію Каразина, учрежденіе статистическаго департамента. „Если бы государю императору было благоугодно меня удостоить скромнаго мѣста директора сего департамента“, пишетъ онъ министру внутреннихъ дѣлъ, Кочубею, „то я увѣренъ, что вмѣстѣ съ значительною службою собранія свѣдѣній сего рода, которыхъ теперь нѣтъ и долго еще не будетъ, я, безъ всякаго шума и подъ предлогомъ однихъ статистическихъ обзрѣній, открылъ бы въ связи тысячи происшествій и обстоятельствъ и злоупотребленій важнѣйшихъ, вовсе неизвѣстныхъ правительству“. Въ приложеніяхъ къ письму государю, онъ излагаетъ и свои основныя политическія убѣжденія. Не принимая на себя оцѣнку послѣднихъ, мы замѣтимъ только, что и въ ихъ образованіи принимало не малое участіе его пылкое и мечтательное воображеніе, услужливо дополнявшее своими картинами недостатки дѣйствительности. Такъ, сосредоточивъ на дворянствѣ всѣ политическія права и преимущества, онъ спѣшитъ оградить дѣйствительность отъ уклоновъ слѣдующими благожеланіями: „Коль скоро не будетъ преимущества безъ обязанности, именно ему соотвѣтствующей; коль скоро устроить все по словамъ Спасителя: „кто изъ васъ хочетъ быть болѣе, да будетъ всѣмъ слуга“; коль скоро законъ и правительство будутъ блюсти, чтобы допущеніе въ благородное сословіе было наградою за благородныя подвиги, а удаленіе отъ благородныхъ чувствованій неминуемо влекло за собою изъ него изверженіе, то всѣ сарказмы на дворянство господъ демократовъ исчезаютъ какъ дымъ. И тогда наслѣдственность сихъ обязанностей не токмо не вредитъ пользамъ государства, но утверждаетъ и обезпечиваетъ его силу болѣе всѣхъ прочихъ мѣръ. Установленіе, взятое съ самой природы и по истинѣ священное!“ Тотъ политическій катехизисъ, взятый изъ природы и религіи и состоящій изъ девяти параграфовъ ¹⁾, распространеніе котораго въ народѣ Каразинъ признавалъ полезнымъ, находится въ полномъ согласіи съ его основными политическими убѣжденіями. Впрочемъ, Каразинъ самъ опредѣляетъ характеръ послѣднихъ въ одномъ изъ приложеній къ письму 1820 года: „Странно, что благословенный средній путь, указываемый намъ религіей и обычаями любезнаго отечества издавна, путь, по которому одному вѣкъ можно идти безопасно, остается до сихъ поръ пустымъ!“ Но извѣстно, что

¹⁾ Русская Старина 1871 года, III, стр. 32—34.

этотъ средній путь, хотя и безопаснѣйшій по Горацію, имѣеть свойство наименѣе удовлетворять общественное мнѣніе, такъ какъ однимъ онъ даетъ слишкомъ много, другимъ слишкомъ мало. Отсюда должно объяснять и отзывы послѣдняго времени, появившіеся по поводу обнародованія нѣкоторыхъ бумагъ Каразина, хотя эти отзывы, очевидно, страдаютъ слабостью исторической точки зрѣнія, замѣняемой современнымъ и личнымъ пристрастіемъ.

Многое изъ того, чего такъ настоятельно и страстно домогался Каразинъ, или исполнилось въ послѣдствіи, или оказалось вѣрнымъ послѣ прискорбныхъ испытаній, явившихся какъ бы для окончательнаго вразумленія насъ въ томъ, въ чемъ давно, хотя и безуспѣшно, старались вразумлять насъ лучшіе люди, въ томъ числѣ и онъ самъ. Его мнѣніе о библейскомъ обществѣ, особенно о характерѣ его дѣятельности, оправдалось скоро, какъ и его взгляды на дѣятельность Магницкаго, Карнѣева и имъ подобныхъ; его мнѣніе о распространеніи образованія въ народѣ, а также о необходимости коренныхъ реформъ въ образованіи нашего духовенства, которое онъ считалъ важнѣйшимъ орудіемъ распространенія образованія въ народѣ, нашли себѣ полное оправданіе въ наше время. Вотъ что говорилъ Каразинъ въ 1810 году, въ письмѣ къ д-ру Реману, о единствѣ всѣхъ учебныхъ заведеній: „къ чему эти *военныя, духовныя, медицинскія* и другія училища, не имѣющія одно къ другому никакого отношенія, управляемыя начальниками, не подчиненныя министру народнаго просвѣщенія?... Съ какимъ удовольствіемъ представляю я себѣ воиновъ, судей, служителей церкви, художниковъ и ученыхъ, образовавшихся въ одномъ общемъ училищѣ, привыкшихъ смотрѣть другъ на друга, какъ на товарищей своей юности, и проникнутыхъ, не смотря на разность карьеръ своихъ, однимъ общимъ благимъ направленіемъ!“ Конечно, это всесловное училище можно назвать мечтою; но нельзя не уважать эту мечту, тѣмъ болѣе, что начало сближенія разнородныхъ училищъ, прежде такъ рѣзко раздѣленныхъ, мы уже видимъ въ наше время. О необходимости общественнаго (или, какъ Каразинъ называетъ его, государственнаго) мнѣнія, онъ выражался, въ 1820 году, такимъ образомъ: „Напрасно думаютъ, что у насъ нѣтъ людей для составленія мнѣнія государственнаго. Ихъ очень достаточно. Довольно нѣсколькихъ въ каждой губерніи. Нѣтъ и нужды вызывать ихъ оттуда. Довольно учредить здѣсь (въ мѣстопребываніи высшаго правительства) средоточіе, которое бы дѣйствовало на губернскія подобныя же средоточія общественнаго мнѣнія и ими бы

взаимно оживлялось. Нѣтъ никакой нужды въ огромныхъ залахъ, парадныхъ шествіяхъ и рѣчахъ, ниже въ извѣщеніи о всемъ этомъ газетами. Но безстрастная воля государева будетъ освѣщаема, на каждомъ его шагѣ, образомъ приличнымъ и мало извѣстнымъ народу“. Воображеніе тотчасъ рисуешь ему картину золотого вѣка, подѣ натиѣмъ этого общественнаго мнѣнія: „Правительство останется правительствомъ, не исполнительною только властью, по новымъ системамъ. Суды, гражданскій и уголовный, получаютъ естественныя ихъ верхнія инстанціи и перестанутъ затруднять государя къ безконечной проволочкѣ дѣлъ и къ соблазну народа. Убудутъ тысячи чиновниковъ, бесполезно или со вредомъ государства получающихъ отъ него содержаніе. Злоупотребленія большею частію исчезнутъ, поелику явятся безъ всякихъ посредниковъ и въ полной своей наготѣ. Возвратится взаимная довѣренность правительства и гражданъ между собою. Силы и способы государства будутъ увѣданы въ самыхъ ихъ источникахъ. Духъ народный откроется во всемъ своемъ достоинствѣ“ и т. д. Мысль о необходимости присоединенія уніатовъ къ православію занимала Каразина еще въ 1804—1806 годахъ, и безъ сомнѣнія, не мало повредила тогдашнему его положенію, возбудивъ противъ него вражду прежде благопріятствовавшего ему Чарторыйскаго. Мысли этой суждено было осуществиться только спустя 35 лѣтъ. На польскій вопросъ онъ давно смотрѣлъ съ единственно вѣрной и единственно возможной для русскаго человѣка точки зрѣнія и въ 1839 году изложилъ свой общій взглядъ на него также ясно, какъ и Карамзинъ въ своемъ „Мнѣніи русскаго гражданина“ за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ (1819). Этотъ взглядъ сдѣлался господствующимъ въ наше время. „Предметъ этотъ заслуживалъ бы формальную задачу отъ Россійской академіи“, писалъ тогда Каразинъ. „Исслѣдованіе его документальное, историческое, сдѣлало бы честь автору, ибо, конечно, было бы переведено для Европы не на одинъ языкъ. Я уже старъ, но могу рекомендовать источники для другихъ“.

Этихъ опытовъ рѣшенія общественныхъ вопросовъ, вмѣстѣ съ дѣятельностію по учрежденію учебныхъ заведеній, кажется, довольно, чтобы воздать должное В. Н. Каразину, чтобы отнестись къ нему съ подобающимъ уваженіемъ, чтобы не забыть его имени, не задаваясь неблагодарными сомнѣніями въ нравственной чистотѣ и безкорыстїи его побужденій.

Полезнѣе задаться вопросами: какъ объяснить себѣ происхожденіе и развитие всѣхъ этихъ убѣжденій Каразина? Какъ онъ могъ воспи-

татъ ихъ въ себѣ, еще въ концѣ прошлаго вѣка, въ Богодуховской глуши? Какъ могло случиться, что Каразинъ 28-ми лѣтъ могъ явиться съ столь ясно и притомъ своеобразно установившимися воззрѣніями на трудные вопросы государственнаго и общественнаго устройства? Къ сожалѣнію, всѣ эти вопросы могутъ быть рѣшаемы только гипотетически, по причинѣ крайней недостаточности біографическихъ данныхъ. Мы знаемъ только, что начальное образованіе Каразинъ получилъ въ частныхъ пансіонахъ Фирлинга и Шульца, Кременчугскомъ и Харьковскомъ, что въ этихъ пансіонахъ, содержатели которыхъ, не родившись въ Россіи, любили ее чистосердечно, онъ прежде всего научился любить свое отечество. На 11-мъ году, какъ записано въ его формулярѣ, Каразинъ подалъ лично прошеніе графу Румянцеву, проживавшему тогда черезъ Харьковъ, о желаніи своемъ поступить въ военную службу, и дѣйствительно, тогда же въ 1783 году, былъ записанъ въ кирасирскій орденскій полкъ, хотя на дѣйствительную службу въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ поступилъ только въ 1791 году. О дальнѣйшемъ образованіи, или лучше сказать, самообразованіи записка его сына сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: „Служба не помѣшала ему предаваться любимымъ его занятіямъ: теоретическому и практическому изученію чловѣка и природы. Горный корпусъ, лучшее изъ тогдашнихъ казенныхъ заведеній, былъ посѣщаемъ имъ постоянно, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и тутъ-то приобрѣлъ онъ тѣ познанія въ точныхъ наукахъ, которыми въ послѣдствіи изумлялъ гораздо уже образованнѣйшее поколѣніе. Между прочимъ, профессоръ Кнорре не хотѣлъ вѣрить, чтобъ астрономія не была исключительнымъ предметомъ его занятій. Съ математикою, химіей, физикою, ботаникою, медициною и вообще естествословіемъ ознакомился онъ такъ, что могъ бы съ честію занять кафедру каждой изъ сихъ наукъ въ любомъ заграничномъ университетѣ“. Нельзя не пожалѣть отсутствія необходимыхъ свѣдѣній о родителяхъ Каразина, о первыхъ его воспитателяхъ и наставникахъ. Отецъ его, какъ чловѣкъ бывалый, видѣвшій на своемъ вѣку многое, вѣроятно, не безъ образованія, не даромъ пользовавшійся вниманіемъ и даже расположеніемъ графа Румянцева, долженъ былъ сильно дѣйствовать на образованіе характера сына, и вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщать ему, практическимъ путемъ, свѣдѣнія о людяхъ и жизни, о прежнемъ отечествѣ своемъ—Сербіи, о тяжелой судьбѣ ея и всего южнаго славянства, о его порывахъ къ свободѣ и независимости и т. д. Что всѣ эти свѣдѣнія производили глубокое впечатлѣніе на пылаго мальчика, доказываетъ сильное чувство, какимъ проникнуто

все его письмо о Сербіи. На 11-мъ году (1783 г.) Каразинъ лишился отца; начавъ уже школьное образованіе. Еще разъ нельзя не пожалѣть о недостаткѣ свѣдѣній о той первоначальной, домашней образовательной средѣ, въ которой вращался Каразинъ-ребенокъ, и въ которой воспринимаются впечатлѣнія, сопровождающія человѣка во всю жизнь, полагаются основанія характеру, и заготовляется будущее направленіе въ жизни и дѣятельности. Будемъ надѣяться, что съ изданіемъ записокъ Каразина, восполнятся эти пробѣлы.

Пока же, относясь съ довѣріемъ къ словамъ, приведеннымъ изъ записки сына, едва-ли ошибемся, если признаемъ пылкую и страстную натуру Каразина, его неудержимую фантазію, его мечтательность главными и могучими двигателями не только въ стремленіи его къ образованію, но и въ усвоенномъ имъ направленіи. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ подъ ихъ непрерывнымъ и неодолимымъ вліяніемъ. Двигатели эти, если не могутъ поручиться намъ за глубину и основательность познаній, то непременно будутъ свидѣтельствовать о ихъ обширности и разнообразіи, объ энергіи въ употребленіи ихъ въ дѣло, о томъ чутьѣ, которое иногда и съ малыми средствами достигаетъ высокихъ цѣлей.

Каразинъ былъ мечтатель, и притомъ съ порывистою фантазіей. Такимъ признавали его не только знавшіе его, но и онъ самъ. Отъ этой мечтательности, съ неизбежными ея увлеченіями, ему пришлось пострадать прежде всего самому. Но та же пылкая фантазія помогла ему сослужить важную службу своему пламенно любимому родному краю, оказать ему услугу, которой нельзя забыть. Я разумѣю учрежденіе университета въ Харьковѣ. Съ общей точки зрѣнія, это, конечно, не великая заслуга: не было бы университета въ Харьковѣ, былъ бы въ Курскѣ, Полтавѣ, Екатеринославѣ, Кіевѣ; послѣдній городъ и былъ весьма основательно предложенъ въ то время; но съ мѣстной точки зрѣнія, дѣло представляется совершенно иначе. Харьковскій университетъ всегда признавалъ заслугу Каразина и выразилъ ее ясно, въ своихъ мотивахъ при выборѣ его въ почетные члены. Вотъ это опредѣленіе Совѣта: „Ad hunc virum eligendum senatus, praeter eximias cognitiones, quibus excellit, etiam quodam grati animi sensu impulsus est; quia ejus singulari industriae et labori inacceptis referendum est, quod universitas Charcoviae sit constituta“. Заслугу Каразина, вмѣстѣ съ университетомъ, призналъ и городъ, выразивъ свою признательность значительнымъ вещественнымъ ему приношеніемъ. Я считаю не только удовольствіемъ, но и долгомъ про-

честь, въ настоящемъ торжественномъ собраніи, слѣдующіе два документа. Впервые прочту письмо г. попечителя Харьковскаго учебнаго округа, Вл. Филатьева, къ предсѣдателю гражданской палаты, Я. Кашиинову, отъ 12-го января 1833 года. Вотъ оно: „М. Г. Яковъ Ивановичъ! Господа профессора и преподаватели въ императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, узнавъ, что Василию Назаровичу Каразину слѣдуетъ внести въ Харьковскую гражданскую палату въ возвратъ графу Подгоричани-Петровичу, пошлинныхъ 2.384 руб., коихъ онъ, по стѣсненному своему положенію, въ назначенный срокъ представить не можетъ, не могли остаться въ равнодушномъ бездѣйствіи при семъ, столь близкомъ для насъ обстоятельствѣ; но движимые сердечною благодарностію и уваженіемъ къ г. Каразину, какъ первому и единственному виновнику основанія здѣсь университета, въ которомъ бѣольшая часть изъ нихъ получили образованіе свое, въ которомъ, вмѣстѣ съ симъ, открыто имъ завидное поприще передавать образованіе молодымъ людямъ и тѣмъ принести усердную дань благоговѣнія согражданамъ своимъ и отечеству, просятъ меня взнести въ помощь г-ну Каразину собранную ими сумму. Съ полнымъ чувствомъ сердечнаго удовольствія раздѣляя стремленіе душевной признательности господъ членовъ университета къ г-ну Каразину, я имѣю честь препроводить при семъ, чрезъ г. проректора, Кронеберга, 1.280 руб. къ вамъ, какъ къ предсѣдателю палаты, для внесенія оной куда слѣдуетъ. Вл. Филатьевъ“. Затѣмъ прочту также письмо Харьковскаго городского головы, Антона Мотузки, къ предсѣдателю гражданской палаты, отъ 17-го января 1833 года. „М. Г. Яковъ Ивановичъ! Увѣдомился я, что статскій совѣтникъ Василій Назарьевичъ Каразинъ имѣетъ въ Слободско-Украинской гражданской палатѣ дѣло; къ окончанію оного потребна сумма 1.200 руб. Желая предупредить его въ доставленіи сей суммы, по желанію моему и гражданъ, кои въ полной мѣрѣ чувствуютъ труды и представительства г. В. Н. Каразина предъ престоломъ блаженной и вѣчно достойной памяти покойнаго всеавгустѣйшаго монарха Александра I, о учрежденіи въ г. Харьковѣ университета, который распространилъ свои учебныя отрасли, чрезъ сіе самое г. Харьковъ улучшилъ свое положеніе, а торговый классъ возвысилъ свое состояніе,—сей малый знакъ истинной признательности покорнѣйше васъ, м. г., прошу оную сумму 1.200 руб. принять и употребить по дѣлу вышеописанному. Антонъ Мотузко“.

Такъ было прежде, при жизни Каразина. Неужели же мы, отда-

ленные на тридцать лѣтъ отъ его смерти, останемся равнодушными, безучастными, безстрастными къ этой заслугѣ, въ виду настоящаго празднованія его столѣтняго юбилея? Мм. Гг.! „monumentum aere perennius“ Горація, конечно, имѣетъ міровое значеніе. Въ скромномъ и мѣстномъ смыслѣ создалъ себѣ такой же памятникъ и Каразинъ. Къ этому невещественному памятнику мы можемъ отнести не иначе, какъ съ глубокою признательностію. Но уже такова природа человѣческая, что она стремится выразить сильныя чувства въ вещественныхъ формахъ. Позвольте же мнѣ заключить надеждой, что предложенныя воспоминанія помогутъ хотя сколько-нибудь возбужденію этой потребности выразить признательность къ заслугѣ Васи́ліи Назаровича вещественно, хотя бы и очень скромно.

Н. Лавровскій.

00-7242
028344

ЦЕНТРАЛНА НАУЧОВА
БИБЛИОТЕКА КХУ
Кл. № 19427/с